

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2010

Койки Безбородый против Звериного Заговора

1

Поздняя осень на юге выдалась жаркой, засушливой и душной. Северянин по имени Койки Безбородый привык, что это время года означает скоротечный золотой листопад, дожди и первый мелкий снег. Но все изменилось с тех пор, как полгода назад он покинул свой дом в деревне Нупики-уси и пустился странствовать.

С того времени как Койки покинул побережье, жара с каждым днем становилась все сильнее. Белый солнечный диск висел над землей, выжигая останки зеленой травы и еще не облетевших сухих листьев. Спутник Койки — неудачливый сюцай по имени Четвертый Ли — утверждал, что такая засуха в середине осени редкость и для здешних земель. Койки нравилось странствовать с Ли, но тот порой бывал невыносим. Он мог часами жаловаться на свои беды и изводить окружающих бесконечными просьбами и упреками.

«Боги, управляющие погодой, сошли с ума, — жаловался он, вытирая вспотевший лоб. — Дорого я бы отдал сейчас за дождь...»

...Петляющая по холмам дорога должна была вывести спутников к городу. Об этом говорили встречающиеся на пути торговцы и путники, к тому же Койки и сам чувствовал, как уплотнился воздух, свидетельствуя о близком скоплении людей.

Когда Койки предложил своему спутнику провести несколько дней за городскими стенами, Четвертый Ли обрадовался и загорелся этой отличной, по его мнению, идеей.

— Прикинемся странствующими актерами, — предложил он. — В этой глуши наверняка бродячий цирк по году ждут. Деньги простаков так и просятся прыгнуть в наши карманы.

— Во-первых, обманывать нехорошо, — веско заметил северянин. — Во-вторых, карманов у меня все равно нет.

— А кто про обман говорит? — возмутился Ли. — В эдакой забытой богами деревне и мы сойдем за прославленных лицедеев. Да и твой ворон пригодится.

Услышав слова сюцай, Курасно возмущенно оттопырил перья.

— Это не деревня, а город, — поправил шаман. — К тому же не маленький.

— Другой мой Койки, — с жалостью глядя на шамана, сообщил Ли. — Здесь даже хуже деревни, ведь это провинция.

После долгих уговоров сюцай все же смог убедить северянина.

— Ты сам просил, чтобы я учил тебя жизни в большом мире, вот и не жалуйся, — рассудительно сообщил сын торговца.

Перед тем как идти к городским воротам друзья решили освежиться в небольшом лесном озере. Шаман безошибочно нашел его по одному ему ведомым приметам. Когда между древесными стволами показалась блестящая гладь, до спутников донеслись приглушенные голоса. Койки тут же вскинул руку и Ли замер, осторожно опустив поднятую на ходу ногу.

Северянин осторожно раздвинул ветки и увидел сидящих у берега лисиц. Животные, приподнявшись на задние лапы, о чем-то ожесточенно спорили. Громче всего говорил большой белый лис, очевидно, вожак стаи.

— Свадьба — прекрасный повод и отличная маскировка, — отчетливо звучал в лесной тишине его гнусавый голос. — Мы застанем врагов врасплох.

— Или сами под удар подставимся, — возразили ему.

— Ты говорил, что они вот-вот нападут, — отмахнулся белый вожак. — Значит, нужно нападать первыми! Пора отплатить за предательство. За гибель нашего старейшины!

— Но... — начал его собеседник, и вдруг осекся, подергал длинным носом и шумно втянул воздух. — За нами следят. Люди!

Звери тут же бросились врассыпную. Раздвинув ветви, Койки вышел к озеру. Опасливо озираясь, Четвертый Ли последовал за ним.

— Говорящие лисы, — присвистнул сюцай. — Должно быть то были оборотни.

— Лисицы-оборотни обычно заняты тем, что обольщают простодушных мужчин, — Койки покосился на своего спутника. — А эти, похоже, войну решили затеять.

На песке среди лисьих следов был начерчен какой-то план, изображающий то ли горное ущелье, то ли узкую улицу.

— Мне такие случайные встречи не по душе, — поежился Ли.

Койки был с ним согласен. Смыв дорожную пыль с одежды и волос, спутники направились к городским воротам.

2

Увидев лицо Койки, украшенное татуировкой в виде зловещей черной улыбки, городская стража остановила было спутников, но выдумка Четвертого Ли о странствующих актерах пригодились, и их отпустили.

— Ничего не понимаю, — сказал шаман. — Ты ведь сам говорил, что актер — это низкое ремесло. Чуть выше рангом мусорщика или золотаря. А нас встретили будто бы даже и с уважением.

— Заходи золотарь в столицу раз в год — его бы сам Император встречал, — рассмеялся сюцай. — Чем дальше от столицы, тем почетнее делается промысел лицедея. Я так думаю, актерское ремесло начали низко ценить только от того, что актеров сделалось слишком много. Ну а в эдаком захолустье дурачье готово золотом осыпать нас за любое представление.

Четвертый Ли говорил уверенно, но на Койки представший перед ними город не произвел впечатление захолустного. Конечно, он мало что видел кроме своей рыбацкой деревни, но даже для него было очевидно, что занятием горожан была война.

Вот уже год царство Гарянь враждовало со своим северным соседом — царством Керим. Близость границы, где сейчас шли сражения, превратила маленький торговый пост на перекрестке дорог в процветающий, быстрорастущий город.

Город, который очень не понравился Койки Безбородому.

Всюду стучали молотки, весело трещал огонь в кузнях, обдавали жаром металлоплавильни. По улицам, прыгая на камнях, ездили телеги, доверху груженные новыми мечами, копьями и доспехами. Полногрудые красавицы зазывали в игорные дома шатающихся без дела военных, а у каждой закуской стояли боевые кони с богатой сбруей.

— Здесь уют смерть, — сказал северянин, едва оказавшись за деревянным частоколом, окружающим город.

Истосковавшись по горячей еде, Ли затащил Койки на постоянный двор. Там, развалившись на мягких подушках с пиалой вина в руках, он решил поспорить со своим диким спутником.

— Куют смерть, говоришь? — лениво протянул Ли, брезгливо приносясь к вину. — А где был бы этот городок, если бы не война? Что тут было раньше кроме десятка жалких лачуг? Но началась война и все изменилось. Здесь построили гостиницы, игорные и публичные дома. А все потому, что торговля и процветание всегда идут следом за победоносной войной.

— Много проку будет от твоих торговли и процветания, если армия царства Керим здесь сожжет все, — возразил шаман.

— Согласен, — покивал сюцай. — Поэтому всегда нужно быть на стороне победителя.

— Разве можно наверняка угадать кто победит?

— Можно, — сюцай улыбнулся и лениво отпил вина. — К тому же у людей разумных случаются прозрения, и они понимают, что выбрали неправильный путь и несправедную сторону в войне.

Койки попытался представить себе ситуацию, в которой он смог бы отречься от Нупики-уси, где прошло его детство и от всех ее жителей. По-видимому, ему было далеко до мудрецов, о которых говорил Ли.

— Знаешь, то, что я странствую и собираю истории — это только половина правды, — признался Койки.

— Ты могучий колдун и борец с демонами, — подтвердил сюцай. — Я сразу это понял.

— Дело не в этом, — возразил северянин. — Понимаешь, изначально в Срединном Мире все пребывает в равновесии. Вода, огонь, земля и воздух, добро и зло.

Ли снова покивал, отхлебывая и при этом не забывая морщиться, показывая, что разбавленное вино ему неприятно, но он готов мириться с неудобствами.

— Иногда, — продолжил шаман. — Равновесие нарушается. И требует вмешательства. Так вот этот питаемый войной город — сильнейшее нарушение равновесия.

— Все что связано с человеком нарушает природное равновесие, — уверенно отрезал Четвертый Ли.

Койки хотел было возразить, но сюцай остановил его. Он поднес ладонь к губам, приказывая помолчать, и указал на мужчину, громко спорящего с хозяином трактира.

— Что такое? — шепотом спросил северянин.

— Этот человек уже долго спорит о цене за праздничный стол, — тоже шепотом отозвался Ли. — Похоже, он собирается устроить здесь свадьбу.

— Лисицы у озера тоже говорили про свадьбу, — напомнил Койки.

Четвертый Ли только досадливо отмахнулся.

— Город большой, здесь каждый день кто-то женится. Тем более в праздничные дни.

Он начал подыматься из-за стола.

— Ты куда? — спросил Койки.

— Добывать нам мешок риса, — гордо ответил Ли.

— Мы и так неплохо поели, — пробормотал шаман, глядя как сюцай умело вклинивается в чужой разговор.

3

— Вот он, — Ли с такой гордостью посмотрел на Койки Безбородого, словно сам вырастил и воспитал его.

Мужчина, занимающийся приготовлениями к свадьбе, смерил шамана тяжелым взглядом, на который Койки ответил искренней

улыбкой. Незнакомец был уже немолод, с длинными белоснежными волосами и гладко выбритым лицом.

— Не очень-то он похож на шамана-северянина, — фыркнул он. — Ни бороды, ни бубна. Никто в ваше представление не поверит.

— Поверят, — заверил его Четвертый Ли. — Как только увидят нас в действии, тут же поверят.

— А маски у вас есть? Костюмы? — продолжал расспрашивать Беловолосый.

— Поезд со всем необходимым из-за войны немного отстал, — соврал сюцай. — Мы здесь только вдвоем. И успеем дать одно представление, прежде чем отправимся дальше. Решайте, уважаемый Байху. Или мы себя на другой свадьбе покажем, слышали, их тут немало намечается.

— Вам соврали, никакой другой свадьбы нынче не будет, — степенно проговорил мужчина-распорядитель. — Гороскоп неудачный. Да еще семья жениха отказалась присутствовать. Что ж, думаю, вы такое торжество все равно не испортите...

— Отчего же вы решили устроить свадьбу, если все так неблагоприятно? — подал голос Койки.

Беловолосый отец невесты посмотрел на него раздумывая, стоит ли отвечать на такой дерзкий вопрос. Даже здесь, на границе, с мнениями актеров и торгашей никто из честных людей не считался.

— Такова воля моего покойного отца, — после долгого молчания, проговорил Байху. — Он пожелал, чтобы бракосочетание его внучки совершилось непременно в этот день. Я человек старых правил. Между счастьем дочери и желанием родителя я выберу последнюю волю отца.

— Но почему именно сегодня? — продолжил расспрашивать Койки. Байху не соизволил ответить ему.

— Я хочу сперва посмотреть на ваше представление, — сказал он Четвертому Ли. — Если окажется, что вы бездари и обманщики — пеняйте на себя.

— Хорошо, — легко согласился сюцай. — Но обед за ваш счет.

Байху провел самозваных артистов к специально сооруженному для церемонии помосту. Койки взобрался на хлипкое сооружение и помог Ли подняться. Беловолосый мужчина, нахмурившись, наблюдал за манипуляциями нанятых им лицедеев.

Детали выступления спутники обсудили еще по дороге в город. Четвертый Ли предложил показать то, что, по его мнению, выходило у Койки лучше всего. Сюцай принялся скакать по помосту, скорчив жуткое лицо, а Койки гонялся за ним, изображая охоту на демона. При этом они обменивались нелепыми репликами которые, по мнению Ли, должны были развлечь неискушенную публику. На скучающего Байху выступление, впрочем, не произвело особого впечатления. Он уже собирался остановить самозванцев, но тут на плечо шамана опустился ворон и несколько раз громко каркнул.

— Ручной ворон? — оживился беловолосый. — Такое не каждый день увидишь.

Сюцай упал на колени, схватился руками за голову и старательно начал изображать агонию.

— Зловонное порождение нижнего мира, — прокаркал Курасно заученный текст. — Тебе нет места среди живых. Возвращайся в подземное царство!

Койки как раз собирался достать свой амулет, призванный низвергнуть стенающего Ли, но в этот момент Байху захлопал в ладоши.

— Отлично! — беловолосый довольно улыбался. — Я уж подумал, что вы меня надуть решили, но теперь вижу, что вы и вправду актеры. Жаль, масок у вас нет. Я попробую раздобыть. Был здесь года три назад

один колдун, оживлял бумажных журавликов. Но ваш ворон лучше, совсем как живой.

— Как живой?! — возмутился Курасно. — Я тебе не пугало какое-нибудь!

— Ну, довольно уже, — отмахнулся Байху. — Вы меня убедили. До завтра живите под крышей моего дома и ешьте за моим столом.

Ворон хотел еще что-то сказать, но Койки жестом велел ему замолчать.

— Скажите, уважаемый, — обратился шаман к отцу невесты. — А будет ли на свадьбе еще какое-нибудь развлечение. Может быть, ручные лисицы?..

Байху очень сильно нахмурился, смерив северянина тяжелым взглядом. Четвертый Ли проклинал длинный язык своего невежественного товарища, подозревая, что сейчас их прогонят.

— Не будет никаких лисиц, — пробурчал беловолосый мужчина. — Кто вам такую глупость сказал?

— Я просто так спросил, — Койки глупо улыбнулся.

Байху фыркнул и зашагал прочь, явно не намереваясь больше выслушивать дерзости заезжего лицедея.

— Что на тебя нашло? — прошипел сюцай, хватая спутника за рукав. — Далась тебе эти лисицы! Из-за твоих глупостей мы без работы останемся.

— Может быть, я и ошибаюсь, — протянул Койки. — Но свадьба предстоит интереснейшая.

Койки Безбородый не ошибся. Посмотреть на диковинную церемонию сошлось едва ли не полгорода. Зевакам было о чем

посудачить: свадьба проходила, казалось, вопреки всем правилам. Не было ни смотрин в доме жениха, ни обмена подарками. Не явились даже родители жениха, что вообще было делом неслыханным. Судя по разговорам гостей, беловолосый Байху и раньше был чудаком, каких свет не видывал, но теперь, по-видимому, решил превзойти сам себя. В лицо ему, впрочем, никто этого не говорил — слишком многие в городе задолжали ему денег, слишком многим он успел оказать полезные услуги.

Возле сцены поставили длинные столы, которые теперь ломились от разнообразных блюд. Люди громко беседовали, обсуждая угощения, с веселым визгом носилась всюду шумная детвора. Койки и Ли усадили в конце крайнего стола. Место было не слишком почетным, но актерам жаловаться не пристало.

— А невеста красавица, — со знанием дела заметил Четвертый Ли, обсасывая куриную косточку.

Койки проследил за его взглядом и заметил рядом с Байху низкорослую девушку в ярком свадебном платье. Ее лицо было скрыто полупрозрачным шелком, но даже просторное платье не могло скрыть стройную и красивую фигуру.

На глазах у гостей довольный Байху представил ей жениха: худощавого, высокого юношу с копной непослушных черных волос.

— Я тут кое-что про него слышал, — зашептал сюцай. — Гостей расспросил. Так вот невеста...

— Как ее, кстати, зовут? — любопытствовал Койки.

— Кумихо ее зовут.

— Ах, вот как? — чуть заметно улыбнулся шаман. — Ясно... продолжай.

— Так вот, говорю, Байху предложил женихам невыполнимое задание. Сперва он сам взобрался на кровлю дома и повесил там полоску красного шелка, а после пообещал, что отдаст дочь тому, кто на руках

пройдет по крыше и снимет ее. Представь себе его удивление, когда этот нескладный неряха по имени Мао легко выполнил испытание. Тут уж пришлось держать слово, несмотря на то, что женихом оказался оборванец.

Северянин слушал вполуха. Он пристально наблюдал за грациозными, ловкими движениями жениха, когда тот открывал лицо невесты. Гости одобрительно загалдели — девушка действительно оказалась настоящей красавицей. Койки же ее прищуренные глаза, лукавая улыбка и вздернутый нос напомнили хищного зверька. Участи Мао он не завидовал.

— Вот так-то, дуракам счастье, — вздохнул сюцай.

— Говорят, большая удача вызывает много мелких неприятностей, — возразил Койки.

Ли хотел возразить, но тут появившийся Байху напомнил актерам, что на свадьбе они не в качестве гостей. Пришлось подмыться на сцену. Беловолосый рассудил, что северянин в своем просторном черно-красном балахоне и с татуировками на лице выглядит достаточно внушительно, но для Ли все-таки раздобыл маску демона. Койки без особого энтузиазма произносил придуманные накануне реплики, а сам краем глаза поглядывал на новобрачных. Впрочем, по-настоящему мужем и женой они станут лишь после того, как возлягут на одном ложе, так в здешних краях скреплялись браки. Мао выглядел вполне довольным собой, а вот его будущая супруга не выглядела счастливой. Скорее всего, в тайне она страдала от необдуманного поступка отца, отдавшего ее за удачливого акробата.

Короткое представление подходило к концу, Ли упал на колени, зрители восторженно загалдели, наблюдая за говорящим вороном, а Койки потянул из-за пазухи свой амулет. И тут, к удивлению и восторгу толпы, черный камушек задрожал, задергался на веревке, как будто стараясь

убежать от своего хозяина. Койки обвел толпу внимательным взглядом, гости притихли, глаза невесты испуганно расширились и не отрывались от шамана. А вот жених засуетился и начал проталкиваться прочь от помоста. Более не сомневаясь, Койки спрыгнул со сцены и двинулся за ним. Четвертый Ли опешил, но быстро нашелся, вскочил и замахал руками.

— Беги, трус! — зловещим голосом проревел он. — Узри силу великого демона и убирайся!

— Помоги ему закончить представление, — шепнул Койки ворону.

— Будь осторожен, — каркнул в ответ Курасно.

— Я всегда осторожен, — буркнул себе под нос Койки, сворачивая за угол. К счастью никто из гостей не увязался за ними следом.

Шаман остановился перед высокой стеной. Жениха нигде не было видно, только на крыше дома, свесив лапу, разлегся ленивый пятнистый кот.

— Итак, подумаем, — глядя на кота, начал северянин. — Человек заходит в закоулок и исчезает. Или он отрастил себе крылья и перелетел эту стену, или его съел этот пятнистый кот. Пожалуй, я сейчас вернусь на свадьбу и возьму на себя труд оповестить невесту.

Койки уже развернулся и собрался уходить, как вдруг кот вскочил и крикнул:

— Стой!

— Так я и думал, — спокойно проговорил Койки, но не стал уточнять, что ожидал увидеть на месте кота лисицу.

— Я не ел жениха, — возмутился кот. — Я и есть жених.

—оборотень, — кивнул шаман. — Много вас в здешних местах. Объяснишь, зачем ты вскружил голову несчастной девушке?

— Не твое дело, — огрызнулся хвостатый.

Койки уже собирался ответить встречной грубостью, но его прервало появление Четвертого Ли. Сюдай, так и не сняв деревянную маску, сразу же набросился на шамана.

— Что происходит? Почему ты сбежал? Байху на нас собак спустит, если мы испортим свадьбу его дочери. Идем скорее, Курасно их развлекать вечно не сможет.

— Я побежал за женихом, — ответил Койки.

— Ну, и где он?

— Вот, — шаман указал на кота.

— Да, да, шумите громче, пусть весь город узнает! — отозвался тот.

Ли уставился на оборотня с открытым ртом.

— Ты не ответил на мой вопрос, — нахмурился шаман.

— Да что вы понимаете, хотел бы я знать? — взвизгнул кот. — Кто вам дал право влезать в чужие дела? Я, между прочим, шкурой рисковал, завоеывая себе эту девицу. Если легенды правду гласят, стоит ей возлечь со мной, как я тотчас стану человеком.

— Послушай, Мао, — начал Койки.

— Не Мао, а Мяо! — возмущенно поправил пятнистый оборотень.
— Ох уж эти двуногие, ничего правильно выговорить не могут.

— Мяо, это сказки, — покачал головой северянин.

— Вам-то легко говорить! — фыркнул кот. — А мне, между прочим, уже мышь в горло не лезет. Велика важность — амбар сторожить!

— Постой, не везде ведь коты так плохо живут, — воскликнул Койки и посмотрел на Четвертого Ли.

— Конечно! — с энтузиазмом подтвердил тот. — Жизнь городского кота краше императорской. Ласковые красавицы окружают его и кормят самыми вкусными кушаньями, ему под хвостатый зад подкладывают мягкие подушки...

— Я вижу, вам двоим, безусловно, виднее, что представляет собой кошачья жизнь! — высокомерно сообщил Мяо, повел носом и подергал пышными усами. — Уж не других ли оборотней я пред собой зрю? Нет? Вот и не лезьте не в свое дело!

Койки и Ли переглянулись. Самым разумным представлялось уйти и продолжить представление, предоставив кота своей судьбе, но Койки не чувствовал, что получил разгадку одолевавших его подозрений.

— Ты не станешь человеком, только выдашь себя.

— Откуда ты взял, что это сказки?! — взвился пятнистый, явно задетый за живое. — Может быть, сам пробовал? Это, между прочим, весьма уважаемая среди котов легенда.

— Возможно, — уклончиво заметил Койки. — Только зачем тебе рисковать, проверяя самому? Человек из тебя весьма неплохой и так. Я бы даже сказал правдоподобный. Откуда бы людям узнать, что на самом деле ты на четырех лапах ходишь?

— Да не людей я боюсь, — зашипел Мяо. — Откуда вы только вдвоем на мой хвост свалились, невежды? Разве не знаете, что эти земли некогда были поделены между тремя могущественными кланами оборотней.

— Первый раз слышу, — честно признался Койки.

— Какими кланами? — удивился Четвертый Ли.

Кот прикрыл глаза лапами и сочно, с шипением выругался, но все же снизошел до объяснений.

— Три семьи. Коты клана Молчаливые Убийцы, лисы клана Крадущиеся-в-Тумане, барсуки клана Черные Демоны Смерти.

Ли не выдержал, схватился за живот и громко засмеялся. Даже невозмутимый Койки, казалось, повеселел. Оборотень смотрел на людей с нескрываемым презрением.

— Прости, — пряча улыбку, сказал шаман. — Но ты сказал «жили». Что же произошло?

— По непонятной причине Черные Демоны начали набирать силу. Барсуки, конечно, превосходят нас в умении перевоплощения и могут оборачиваться не только людьми, но и вещами. Тогда наш клан вступил в союз с лисами, и вместе мы расправились с барсуками, — важно ответил кот. — Но коварные лисы, пусть будет проклято их имя, после победы ударили нам в спину. Убили нашего вожака, сильнейшего нашего воина. Теперь мы вынуждены скрываться, жить среди людей. Я и сейчас подвергаю себя страшной опасности, разговаривая с вами. Соглядатаи лисов всюду!

— Тише, — внезапно посерьезнев, сказал Койки. — Кто-то идет.

Кот, явно намереваясь удрать, изготовился к прыжку. Но из-за угла вышла только рассерженная, покрасневшая невеста.

— Вот вы где! — воскликнула она, увидев Койки и Ли. — А мы вас обыскались. Где Мао? Что вы вообще здесь делаете?

— С котом беседуем, — честно признался Койки.

Девушка раскраснелась еще гуще, зло глядя на безумных актеров и на несчастного кота.

— Возвращайтесь скорее, — сказала Кумихо. — И Мао приведите! Что я только родителям скажу?

Когда возмущенная невеста ушла, на крыше рядом с расплывшимся от облегчения котом что-то скрипнуло. Мяо снова приготовился бежать, но оказалось, что это появился другой представитель клана Молчаливых Убийц. Подкравшийся, пока внимание присутствующих отвлекла прекрасная Кумихо, второй кот оказался старым, плешивым и одноглазым. Очевидно, именно так в понимании кошачьих выглядел опытный воин, потому что Мяо немедленно поджал хвост и пригнул уши, с уважением и подобострастием глядя на старца.

— Сын! — прошипел потрепанный жизнью кот. — Что ты здесь делаешь? Хочешь, чтобы лисы тебя поймали? Скорее возвращайся. Мы сейчас как раз держим совет, на котором решаем, как бить лисов.

— Да, отец, — безрадостно сказал пятнистый оборотень.

— Мяо, погоди, — шаман остановил Молчаливых Убийц. — Скажи мне, где вы сражались с барсуками?

— К северу от города есть река, если подниматься вверх по течению, там будет заброшенный храм, — объяснил Мяо. — Там и состоялась битва.

— Сколько можно говорить тебе, не смей разговаривать с людьми!

— Да, отец...

Койки решительно подтянул свой веревочный пояс.

— Ли, возвращайся и развлекай гостей, — приказал Койки Безбородый. — Мне нужно ненадолго отлучиться. Скажи Курасно, чтобы не летел за мной.

— Как? Постой! Что же мне самому делать. И куда ты?

— К разрушенному храму.

5

Следуя указаниям Мяо, шаман без труда нашел поле битвы.

О стоявшем здесь некогда храме напоминал только каменный фундамент с останками стен, заросшими густым кустарником. Узкая каменная лестница, ведущая к дверному проему, терялась в настиле из золотых листьев. Один из двух украшающих ее каменных фонариков был повален. Внутри храма чудесным образом уцелела статуя Будды. Обычно такие статуи отливали из бронзы или иного металла, но эта была искусно высечена из цельного куска обсидиана и имела еще одно отличие от канона. Вместо традиционного саронга, здешний Будда был облачен в

просторные шаровары, скрывающие, судя по выпуклости на промежности, внушительных размеров мужское достоинство.

Расположившись внутри храма, Койки развел костер. Приближалась ночь. На свадьбе, должно быть, уже плясали танцы и откупоривали бочки пива. Шаман вспомнил бракосочетания в Нупики-уси, деревне, где прошло его детство. Северяне не одобряли пышных обрядов и празднеств, так любимых южанами. Койки вспомнил, как подолгу глядел в огромный костер, разведенный у дома новобрачных. Он говорил с огнем и тот отвечал ему...

Костер горел, шаман думал. Он размышлял об оборотнях и их вражде. Вспоминал, как улыбнулся, впервые услышав громкие имена кланов. Крадущиеся-в-Тумане, Черные Демоны Смерти... Крошечная, комичная война, так не похожая и одновременно похожая на то, чем был заняты люди, которым звери вынуждены были подражать. Ведь какая, в сущности, глупость все эти Гарянь, Керим и прочие царства. Звучные названия и яркие флаги, один вид которых сводил людей с ума. У котов и лисиц было много причин не любить друг друга: они отличались длинной хвоста, клыков, цветом шерсти, умением ползать по деревьям и нежеланием жить в норах. А человек готов был убивать другого человека только потому, что тот родился по другую сторону невидимой линии, разделяющей владения двух государей. Вражда оборотней казалась Койки смешным недоразумением, вражда между людьми — сущим безумием.

— Итак, подумаем, — Койки поудобнее устроился на камнях рядом со статуей. — В подлунном мире есть три разновидности оборотней: лисы, коты и барсуки. Лисы обольщают людей, заманивают их красотой и хитростью. Коты непревзойденные ловкачи и верхолазы. А барсуки... эти самые искусные оборотни. Они могут обернуться кем и чем угодно.

Тут шаман как бы невзначай бросил горячие угли на промежность сидящего Будды. Бодхисатва, пораженный таким кощунством, немедленно

вскочил и отшатнулся. И вновь застыл, припомнив, что он все-таки статуя. При этом он потерял серый каменный цвет, нос святого мудреца удлинился и вытянулся, лицо покрылось шерстью, глаза превратились в две черные пуговицы. Широкие штаны покраснели, но, к облегчению Койки, остались на месте.

— Проклятье, — выругался оборотень, застывший на полпути превращения в зверя. — Ты хоть представляешь насколько это больно?!

— Прости, — развел руками шаман. — Должен же я был убедиться...

— Убедился? — оскалил зубы оборотень. — Можешь проваливать.

— Нет, — Койки скрестил руки на груди.

Недавний Будда присел на постамент и свесил короткие уродливые ноги, оканчивающиеся внушительными когтями.

— Северянин. Без бороды, зато с татуировками, — констатировал полужверь, сверля Койки своими глазами-бусинами. — Ты мужчина или женщина?

— Мужчина, — ответил Койки. — Хотя это и не так очевидно как в твоём случае, барсук...

— Сам ты барсук! — обиделся оборотень. — Я тануки.

— Издалека же ты прибыл, — присвистнул шаман.

Про тануки Койки уже слышал. Моряки рассказывали, что эти звери были дальними родичами не то барсуков, не то енотов. Жили они на Стрекозьих островах и славились как непревзойденные оборотни, чье мужское достоинство размерами превосходило даже каменные лингамы западных монастырей. Теперь шаман своими глазами убедился в том, что, по крайней мере, один из слухов про тануки был правдой.

— На себя посмотри, — огрызнулся полужверь. — Ты-то, зачем так далеко на Юг забрался?

— Люди зовут меня Койки Безбородый, я собираю сказания и легенды.

— Я Анагуми-но Ками, — представился тануки. — А ты колдун, значит. Заклинатель четырех стихий. Тот, кто тебе лицо разрисовал, не дурак был.

— Да, старейшина Итаксир далеко не дурак, — согласился Койки.

— Не слышал про такого, — фыркнул Анагуми. — И про тебя не слышал, Безбородый. Поэтому проваливай отсюда.

— А ты любишь пошутить, — улыбнулся Койки. — И поговорить.

— Остерегайся молчаливых людей, — с важным видом заметил тануки. — Да и не только людей. У тебя сакэ есть?

— Нет.

— Вино?

— Нет.

— Пиво?

— Нет.

— Жаль... — оборотень помассировал ноги. — Я пока ждал, что ты отсюда уберешься, все лапы отсидел. Ты здесь просто так или меня искал? Что тебе вообще надо, Койки или как там тебя?..

— Скажи, Анагуми-но Ками, а правда что бар... то есть, прости, тануки могут превращаться в других животных? — осторожно спросил северянин.

— Тебе зачем знать? — подозрительно спросил Анагуми. — Хочешь, чтобы я в лошадь превратился или в ишака? Не дожدهшься.

— Я и так знаю, что могут, — заметил Койки.

— Чего тогда спрашиваешь? — раздраженно спросил тануки. — Правду говорят, что нет ничего страшнее дурака.

— Раньше здесь жили лесные коты и лисицы, — начал объяснять Койки. — Они соперничали за право владеть этой землей, но потом у них

появился общий враг. Ты, Анагуми-но Ками. Барсуки, до этого недалекие и трусливые, благодаря тебе стали угрожать другим кланам оборотней. Но произошло то, чего ты не ожидал. Лисы и коты объединились и напали на ваше логово здесь, в старом храме. И тогда ты решил уйти, скрыться от своих врагов и подождать.

— Иногда отступить, значит победить, — проворчал тануки.

— Но перед тем ты заложил семена вражды в неприятельский стан. Обратившись лисом, ты убил вожака котов. Обернувшись котом, ты убил старейшину лисов. С тех пор они уничтожают друг друга в беспощадной вражде, пока ты собираешься с силами. Правду говорят, по соседству с храмом черти водятся.

Анагуми хмыкнул, услышав старую поговорку.

— Тебе-то какое дело, двуногий? — спросил он. — Что тебе наши потешные войны? Что тебе наши смешные беды? Мы — оборотни, всеми презираемое, всеми гонимое племя. Раньше здесь были кишацие зверьем леса, луга, реки, полные рыбы. Сейчас совсем недалеко от моего убежища рубят лес, а мои враги на помойке грызутся за объедки. Вот все, чего они добились своей «победой».

— Если вы объединитесь, то сможете выжить отсюда людей, — предложил Койки.

— Объединиться? — хохотнул тануки. — С хвостатыми, с усатыми? Да ты никак рехнулся, северянин. Скорее уж обезьяна с собакой поладит, чем мы.

— Они пошли на перемирье, чтобы бороться с тобой, — напомнил шаман.

— Ничего, больше не пойдут.

— Пойдут, если ты признаешься, что убил их вождей, — сказал Койки.

Тануки хлопнул лапами и скрипуче рассмеялся.

— Вы только посмотрите на него, — утирая выступившие слезы, прогнусавил он. — Является сюда и влезает в мои дела. Не нужно лицемерить, колдун. Я сижу не только в храме, и превращаюсь не только в статую. Был я как-то столиком в комнате, где совещались полководцы. Они обсуждали, как после царства Керим обрушат свои силы на Стрекозьи острова, на Поднебесную Империю, говорили, что не остановятся, пока не дойдут до самого края света. До твоего возлюбленного Севера. Хочешь помирить нас, оборотней, чтобы мы выгнали отсюда людей? Чтобы не ковали они железо, чтобы войска не собирались здесь, готовясь идти на войну. Вот зачем мы тебе нужны, Безбородый.

Койки не ответил.

— Так вот, не рассчитывай на шкуру еще не пойманного тануки! — прорычал Анагуми.

— Все не так просто, — северянин покачал головой. — На севере мы чувствуем все нарушения в равновесии, которые сотрясают основание срединного мира людей. Войны издревле велись людьми и могут служить инструментами баланса.

— Как заговорил... заслушаешься, — пробурчал тануки.

— Так вот, — терпеливо продолжил шаман. — Война между Горянью и Керим не обошлась без вмешательства врагов равновесия. Поэтому я направляюсь в столицу, в город Кая, чтобы прекратить ее.

— Направляйся, пожалуйста, — разрешил оборотень. — Я здесь причем.

— Ты знаешь больше, чем говоришь.

— А ты говоришь больше, чем знаешь, — парировал Анагуми. — Равновесие, ха! Больше я на этот обман никогда не попадусь. Где было твое равновесие, когда люди пришли на Стрекозьи острова? Когда согнали нас с насиженных мест и шкуры сдирали на сапоги с моих собратьев?

— Они совершили ошибку, — сказал Койки. — А ты эту ошибку усугубляешь.

— Мне надоело тебя слушать, — тануки поднялся. — Проваливай ты, или я уйду.

— Кто надоумил тебя перессорить котов и лисиц? — требовательно спросил шаман.

— Проваливай.

— Не хочешь решить дело по-хорошему, — Койки начал снимать свою просторную одежду. — Значит, будет по-плохому...

Без дальнейших предупреждений он ударил тануки прямо по объемному животу. К удивлению шамана, оборотень легко уклонился. Подняв когтистые лапы на уровень глаз, он начал быстро раскачиваться, слегка подпрыгивая.

— А ты неплох, — скороговоркой произнес Анагуми. — Посмотрим, что можешь!

Он бросился на шамана, бешено молотя кулаками. Койки прикрылся руками от быстрых и сильных, но неточных ударов. Атака тануки провалилась, и он, слишком разогнавшись, проскочил мимо противника, и едва не налетел на дерево. Но, быстро сориентировавшись, развернулся и, продолжая подпрыгивать, вновь стал наступать. Некоторое время они кружили по разрушенному храму, обмениваясь ударами. Анагуми был быстрее, но Койки — расчетливее и спокойнее.

— Неплохо, неплохо, — скороговоркой бормотал себе под нос оборотень. — Ты дерешься как мужчина. Не то, что эти южане. Последний человек, который со мной решил сразиться, все норовил на руки встать и ногу выше уха задрать, представляешь? Ох, отлупил я его! Впрочем, в деревне, где нет птиц, и летучая мышь — птица.

— Широко шагаешь — шаровары порвутся, — поговоркой на поговорку ответил Койки.

Тануки хохотнул и бросился на Койки.

— Что ты все руки подставляешь? — нетерпеливо прогудел он. — Покажи что можешь! Ну!

— Сейчас покажу, — пообещал шаман.

Далеко отведя плечо, изо всех сил размахнувшись, он врезал обратню прямо по мягкому черному носу...

6

Остаток свадьбы Четвертый Ли просидел в дальнем углу с полной кружкой пива в руках. Пить ему не хотелось, есть тоже, а настроение было испорчено непрошенными мыслями. Встреча с оборотнями никак не выходила у него из головы.

Конечно, он и раньше слышал про перевертышей, живущих среди людей. Но сегодня Ли впервые столкнулся с ними сам. Может быть, та женщина, что наливала ему пиво, тоже оборотень? Не мелькнул ли длинный хвост под ее платьем?

Не прошло и получаса с момента исчезновения Койки, как на свадьбу вернулся жених. На лице Мяо не осталось и следа былой радости. Перемена не осталась незамеченной Кумихо и ее отцом. Беловолосый пытался расспросить Мяо, но тот только устало отмахивался, ссылаясь на усталость. Спровадив, наконец, назойливого тестя, пятнистый оборотень подсел к сюцаю.

— Прав был твой друг-колдун, — тоскливо проговорил Мяо. — Ничего хорошего из моей затеи не вышло...

— Проверил уже? — ухмыльнулся Четвертый Ли. — Ловкий же ты малый.

— Проверить не получится, — отмахнулся кот. — К сожалению. Мой отец решил использовать свадьбу, чтобы напасть на лисов.

— Так вы их узнать можете? — спросил Ли, вспомнив померещившийся ему хвост. — В человеческом облике?

— Было бы все так просто, — Мяо отхлебнул пива и по-кошачьи поморщился. — Знаем только, что немало их здесь собралось.

Ли вспомнил встречу у озера и похолодел.

— Послушай, Мяо. Ведь и лисы решили напасть на вас во время твоей свадьбы. Я сам слышал...

— Что?! Откуда?

Сюцай пересказал взволнованному жениху о том, что ему удалось подслушать. Мяо тотчас вскочил из-за стола.

— Нужно предупредить отца! Хотя нет, сначала Кумихо. Из-за меня ведь и ей опасность угрожает. А ты, любезный, уходи-ка отсюда, если жизнью дорожишь.

Ли готов был охотно последовать совету и уже собирался уходить, предварительно прихватив с собой пару лишних бутылок вина, как вдруг ему на плечо опустился Курасно. Сюцай попытался сбросить ворона, но когтистые лапы только сильнее вонзились ему в плечо.

— Койки ясно приказал мне присматривать за тобой, — напомнил Курасно.

— Присматривай, кто же не дает? — зашипел Ли.

— Мне кажется, что нам нужно следовать за Мяо, — сообщил ворон.

— Следуй, кто же не дает? — сюцай продолжил попытки сбросить ненавистную птицу. — Да отцепись от меня, наконец!

— Если ты не пойдешь за ним, я тебя заставлю, — предупредил Курасно.

— Да что ты о себе возомнил?! — взорвался юноша. — В суп захотел?

Ворон тут же исполнил свою угрозу и клюнул его по лбу. Не сильно, но так, чтобы неудавшийся чиновник понял — при желании острый клюв мог без труда проломить его череп. Ли побледнел, бросил бутылку и побежал следом за Мяо.

Кот-оборотень, держа под руку свою прекрасную невесту, незаметно вывел ее из толпы в тот самый переулок, где его недавно нашел одноглазый предводитель Молчаливого клана.

— Кумихо, я должен тебе кое в чем признаться, — быстро протараторил Мяо. — Я не человек. Я оборотень.

В подтверждение своих слов он быстро обернулся через плечо — и вот перед красавицей уже сидел пятнистый, хвостатый зверек. Девушка ничуть не удивилась, топнула ногой и капризно заметила:

— И что? Кот он, подумаешь! Вы, мужики, все одинаковые — что с хвостами, что без! Так был занят своими страданиями, что совсем не обращал внимания на меня. Кот он, посмотрите только. Да я тебя сейчас...

Она щелкнула пальцами. И перед Мяо уже стояла не девушка, но сидела маленькая лисица с гладкой рыжей шерсткой. Кот от изумления совсем не по-звериному открыл рот и выпучил глаза. Четвертый Ли схватился за голову, не зная, что и думать.

— Ты... ты! — прошипел Мяо. — Значит и вся твоя семья тоже?! Что же ты наделала! Они ведь меня на воротники пустят, если узнают...

— Трус, — презрительно бросила лиса Кумихо. — Только что в любви признавался, а теперь, видите ли, испугался моего отца. Думаешь, я не знала, из-за чего ты передо мной пресмыкался. Человеком ему захотелось стать, как же!

Может быть, новобрачные и пришли бы к согласию, но в этот момент над пустынной ночной улицей зазвучало противное резкое тьяканье. Ему ответил клич, полный злобного шипения. Лисы и коты как на беду выбрали этот заколулок для решительной битвы. Увидев в каком

количестве они явились, Ли окончательно утратил всякую веселость. Война кланов оборотней и их громкие названия больше не казались ему забавными.

Как было заведено среди оборотней, в сражение они вступали в своем истинном, зверином облике. Лисы выглядели внушительно: с их стиснутых челюстей стекала слюна, рыжие спины в лунном свете отливали серебром, а пышные хвосты лихо раскачивались, как знамена. Но и коты не уступали. Они не могли похвастать клыками, но всюю показывали когти, а кое-кто из них сжимал в зубах ножи для бумаги и другие острые предметы.

Впереди лисиного войска гордо шествовал громадный, почти с волка величиной, белый зверь, впереди кошачьего — одноглазый отец Мяо. Увидев Четвертого Ли и застывших у его ног зверей вожаки оборотней резко остановились.

— Кумихо, дочка! — испуганно взвизгнул белый лис.

— Мяо! — в свою очередь прошипел одноглазый кот.

Ли судорожно сглотнул и решил предпринять попытку остановить кровопролитие, которое и ему самому грозило большими неприятностями.

— Посмотрите, — важно воскликнул он, но голос предательски дрогнул. — Ваши дети полюбили друга! Конец многовековой вражде!

Кумихо спряталась за ногу юноши и запричитала:

— Не верь человеку, отец, коварный кот выкрал меня!

— Она обольстила меня, откуда мне было знать, что это лисица?! — выл, прячась за другую ногу сющая, трусливый Мяо.

И без того жаждущие крови звери уже готовы были смести преградившего дорогу Четвертого Ли и наброситься друг на друга, когда в переулочек, громко щелкая деревянными сандалиями, зашел Койки Безбородый во всей своей дикарской красе. А следом за ним тащилось нечто непонятное: полужверь, получеловек, в красных шароварах, с

гнусной усатой мордой, распухшей и покрасневшей, как ломоть отбитого перед жаркой мяса.

Армии оборотней, до того готовые растерзать друг друга, замерли. Белый и одноглазый вожаки в недоумении уставились на страшилище в красных шароварах.

— Рассказывай, — Койки подтолкнул вперед своего пленника.

— Это я... — полужверь прочистил горло. — Это я убил вожаков ваших кланов после битвы у храма.

После минутного молчания опешившие оборотни зашумели, перекрикивая друг друга. Анагуми потребовалось еще несколько раз громко повторить свое признание, чтобы его услышали и осознали все собравшиеся. Пока тануки отвечал на вопросы своих врагов и демонстрировал способность превращаться в других зверей, Койки незаметно потянул Четвертого Ли прочь из толпы.

— Раз уж войны не будет, — прорезался в общем шуме голос Мяо. — Господин Байху... я люблю вашу дочь! Завершим же свадьбу!

— Ишь чего захотел, — взвилась Кумихо. — Тоже мне, герой выискался. Не хочу тебя, хочу настоящего храбреца. Койки Безбородый, где же ты?! Я люблю тебя, сделай меня человеком!

— А ведь и вправду, — промурлыкал одноглазый старейшина. — Где актеры?..

7

Койки Безбородый решительно шагал по хорошо утоптанной дороге, следом за ним покорно плелся Четвертый Ли.

— Как думаешь, долго они в мире проживут? — спросил Четвертый Ли.

— Думаю, недолго, — честно признался Койки Безбородый. — Скорее уж мужчина начнет понимать женщину, чем лиса — кот. Да и не всех они барсуков извели. Когда я по лесу за Анагуми гонялся, много их видел, притворившихся камнями и деревьями.

— Ну, мы-то уже будем не причем, — сказал неудавшийся чиновник. — И далеко отсюда.

До города Кая оставалось еще немало дней пути, а Койки ясно дал понять, что позволит своему провожатому отправиться своей дорогой только после того, как тот приведет шамана в столицу. Ли с тоской посмотрел назад, где остался шумный город на перекрестке дорог со всеми его постоянными дворами, борделями и игорными домами. Над белыми от выжженной травы полями царства Гарянь поднималось солнце. Наступал новый день, который обещал быть еще жарче и удушливее предыдущих.